

Ю.В. ИВАНОВ

ПОЛЬСКАЯ АРМИЯ ГЕНЕРАЛА В. АНДЕРСА В СССР (август 1941 – август 1942 года)

После нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. в советско-польских отношениях был короткий период, когда, на наш взгляд, обозначилась реальная возможность перейти от политической конфронтации, особенно непродуктивной во время войны, к определенному взаимодействию. Подобные надежды связывались с восстановлением дипломатических отношений между СССР и находившимся в Лондоне правительством Польской Республики в изгнании и с заключением ряда межправительственных соглашений, в том числе о военном сотрудничестве, что официально сделало стороны союзниками по антигитлеровской коалиции. Но, к сожалению, эта возможность не была реализована.

В настоящее время существуют две версии, российская (советская) и польская, в которых дается своя интерпретация событий, связанных с историей создания на территории СССР польской армии. В этой статье мы изложим в общих чертах обе версии и их аргументацию. Одновременно следует подчеркнуть, что российская версия, предлагает, как нам представляется, более объективное освещение последовавших событий.

Нас интересует в первую очередь главный вопрос: как можно оценить тот факт, что польская армия так и не приняла активного участия на территории СССР в войне против гитлеровской Германии, а вместо того, чтобы выступить на фронт в соответствии с принятыми в заключенных соглашениях обязательствами, была выведена в Иран?

В первую очередь следует ознакомиться с основным содержанием первоначальных документов, легших в основу двустороннего сотрудничества. В хронологическом порядке события развивались следующим образом. 30 июля 1941г. после советско-польских переговоров, начавшихся в Лондоне почти сразу же после агрессии Германии на Советский Союз, было подписано межправительственное соглашение, 4-й пункт которого гласит:

“Правительство СССР выражает свое согласие на создание на территории СССР польской армии под командованием, назначенным польским правительством с согласия Советского правительства. Польская армия на территории СССР будет действовать под руководством Верховного командования СССР, в составе которого будет состоять представитель польской армии”¹.

К соглашению был приложен протокол, в котором, в частности, отмечалось, что “Советское правительство предоставит амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве военнопленных”.

14 августа того же года между сторонами было подписано военное соглашение, пункт 7 которого предписывал, что “польские армейские части будут двинуты на фронт по достижению полной боевой готовности” и что “они будут выступать, как правило,

Иванов Юрий Васильевич – специалист по истории Польши и советско (российско)-польским отношениям.

¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VII. М., 1962, с. 208.

соединениями не меньше дивизии и будут использованы в соответствии с оперативными планами Верховного командования СССР”².

4 декабря 1941 г. во время визита в СССР польского премьера В. Сикорского была подписана Декларация о дружбе и взаимной помощи, в которой еще раз было подтверждено, что “войска Польской Республики, расположенные на территории Советского Союза, будут вести войну с немецкими разбойниками рука об руку с советскими войсками”³.

Итак, можно констатировать, что в подписанных польской стороной документах правительственного уровня была закреплена ее четкая союзническая позиция о совместной борьбе с общим врагом, обязательство направить формируемую в СССР польскую армию на советско-германский фронт. Этот ключевой момент важно всегда иметь в виду при оценке последовавших позднее событий.

Советская сторона в соответствии с предусмотренной в двусторонних документах процедурой не стала возражать против назначения командующим польской армией в СССР генерала В. Андерса⁴, который после пленения во время сентябрьской кампании 1939 г. находился в одном из военных лагерей. По имени командующего за этой армией закрепилось название “армия Андерса”.

Формирование польской армии, ее обучение происходили на территории Саратовской и Оренбургской областей. Сначала ее численность была определена в две дивизии, но затем польский премьер В. Сикорский поставил вопрос о создании армии в 150 тыс. человек (договорились о 96 тыс.). К концу февраля 1942 г. эта армия уже насчитывала около 75 тыс. человек. Наступил самый ответственный момент – отправка польских частей на советско-германский фронт. В. Андерс неоднократно заявлял, что он считает “целесообразным по мере того, как та или иная дивизия будет готова, немедленно направить ее на фронт”⁵ и даже в своих позднейших мемуарах подчеркивал: “мы хотим первыми вступить на территорию Польши, это наш долг перед родиной”⁶. Но когда одна из польских дивизий завершила свое полное формирование, В. Андерс на официальное обращение советской стороны направить ее на фронт отказался, заявив, что поляки могут выступить на фронт только тогда, когда полностью будет готова вся армия. В начале марта 1942 г. этот вопрос был снова поставлен перед ним и снова был получен отказ с аналогичной мотивировкой. Но теперь польская сторона обратилась уже с ходатайством перенести дислокацию армии в район с более теплым климатом в одну из среднеазиатских республик, мотивируя это также необходимостью облегчить получение обещанного британской и американской сторонами вооружения и обмундирования.

² Там же, с. 218.

³ Там же, с. 257

⁴ Почему выбор командующего пал именно на Андерса, некоторые польские источники объясняют случайностью, просто он оказался, как говорится, под рукой. В архивах имеются данные, которые сейчас трудно проверить и которые довольно нелестно характеризуют его личность. Согласно этим данным, он родился в 1892 г. в дворянской семье балтийского немца, в 1914 г. после окончания пажеского корпуса в Петербурге участвовал в Первой мировой войне в чине прапорщика, а в октябре 1917 г. закончил ускоренные курсы военной академии Генерального штаба в Петрограде. Уехав в Польшу, вступил в находившуюся там оккупационную германскую армию, затем перешел в польскую, участвовал в советско-польской войне 1919–1920 гг. В армии не пользовался безупречной репутацией: Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 0122, оп. 29, п. 212, д. 30, л. 143; оп. 33, п. 259, д. 72; Русский архив, т. 14. М., 1994, с. 13. Отдельные штрихи к портрету В. Андерса можно найти в книге: *Климковский Е.* Я был адъютантом генерала Андерса. М., 1964. В ней автор делает прозрачные намеки на то, что Андерс, по меньшей мере, был в курсе готовящегося на В. Сикорского покушения в 1943 г. Документы о расследовании причин гибели премьера в результате авиакатастрофы в Гибралтаре до сих пор остаются засекреченными в британских архивах.

⁵ АВП РФ, ф. 0122, оп. 26а, п. 225, д. 19, л. 32.

⁶ *Anders W. Memoirs 1939 – 1946.* Paris, 1948, p. 162.

Поскольку польское командование не проявляло намерения направлять свои части на фронт и продолжало их держать в тылу, советской стороной, было принято, видимо, в целях оказания определенного давления на поляков, весьма жесткое решение о сокращении с 1 марта 1942 г. лимита продовольственных пайков, выделяемых польской армии, с 96 до 44 тыс. Следует учитывать, что в это время положение на советско-германском фронте было катастрофическим, германские войска наступали на юге, рвались к Сталинграду, вопрос продовольствия в стране и армии стоял крайне остро. А тут в тылу целая армия, вооруженная и обученная, по сути дела, отказывается воевать, продолжая находиться, как говорится, на полном бесплатном пансионе. Как известно, армия Андерса была создана, обучена, одета и вскормлена в голодные 1941–1942 гг. на советские деньги, которые позднее в конечном итоге были с польской стороны списаны⁷.

По настоянию польского командования в марте 1942 г. около 45 тыс. польских военнослужащих и членов их семей покинули пределы СССР. Дальнейший набор в польскую армию не проводился, армия прекратила также занятия по боевой подготовке. Андерс после возвращения из Лондона в июне 1942 г. настаивает на перевод в Иран уже всей остальной армии, что и было осуществлено в августе того же года. Всего было эвакуировано 75.451 военнослужащих и 37.756 членов семей и польских граждан. Кроме того, непосредственно в Великобританию в разное время выехало около 2 тыс. польских военных летчиков и моряков. Советская сторона особенно не протестовала, но восприняла этот шаг с осуждением как нарушение прежних договоренностей. В ряде работ российских и польских авторов приводится реакция И.В. Сталина во время беседы в Кремле 3 декабря 1941 г. с В. Сикорским, который сделал заявление о выводе польской армии⁸ из пределов СССР. Он заявил следующее: “Если поляки не хотят здесь воевать, то пусть прямо и скажут: да или нет [...]. Обойдемся без вас. Можем всех отдать. Сами справимся. Отвоюем Польшу и тогда вам ее отдадим. Но что на это люди скажут”⁹.

Что касается советско-польского военного соглашения от 14 августа 1941 г., то после вывода армии Андерса оно фактически утратило свой смысл. Отношения с польским эмигрантским правительством снова обострились. Советская сторона все более убеждалась в том, что это правительство не заинтересовано в союзническом сотрудничестве, преследует иные цели и после войны станет проводить в отношении СССР все тот же враждебный курс, что и прежняя Польша в 1918 – 1939 гг. Поэтому в целях обеспечения своих геополитических интересов и естественного желания иметь в послевоенной Польше дружественно настроенного соседа Москва взяла курс на то, чтобы затруднить после окончания войны перемещение эмигрантского правительства из Лондона в Варшаву. На наш взгляд, такой поворот является вполне объяснимой реакцией на

⁷ Условия содержания польской армии были определены в так называемом военном соглашении от 14 августа 1941 г., пункт 13 которого гласил: “Расходы, связанные с формированием, снабжением и содержанием польской армии на территории СССР, будут кредитованы правительством СССР и подлежат возвращению польским правительством по окончании войны”. – Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VII. М., 1973, с. 218. В совместном коммюнике о пребывании в Москве польской государственной делегации от 28 мая 1946 г. отмечается: “Оба правительства пришли к соглашению об аннулировании всяких финансовых обязательств, возникших во время войны, в связи с вооружением и снабжением польской армии, включая обязательства б. правительства ген. Сикорского, равно как обязательства, возникшие в связи с поставками Польского правительства для Красной Армии в указанный период”. – Советский Союз – Народная Польша. 1944–1974. Документы и материалы. М., 1974., с. 133.

⁸ Первоначально В. Сикорский говорил о выводе только части армии, которая должна пережить сложное время в Иране, а затем обязательно вернется на советско-германский фронт.

⁹ См., например: *Kot S. Listy z Rosji do generała Sikorskiego*. Londyn, 1956, s. 200 – 204; *Kowalski W. Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie 1939–1945*, w. 1. Warszawa, 1966, s. 118–119; *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1982, с. 63.

действия польской стороны. Окончательная ставка стала делаться на создание широкого фронта польских левых политических сил как внутри страны, так и в СССР, находившихся в оппозиции к лондонскому правительству и ориентировавшихся на СССР.

По-иному излагаются события польской стороной.

Но сначала несколько слов о настроениях, господствовавших в то время в формирующейся в СССР армии, которые необходимо учитывать при оценке происшедших событий. Офицерский корпус Польши, воспитанный в духе враждебности к восточному соседу, обладавший понятным высокомерием в связи с выигранной войной 1919–1920 гг., но униженный в силу своего пленения в 1939 г. и пребывания в советских лагерях с известным жестким режимом, не горел особым желанием сражаться рядом с Красной Армией хотя бы и против общего противника. Это во многом объясняет поведение поляков, их стремление уйти из пределов Советского Союза, но никак не может оправдать такое решение.

Польская сторона, начиная с командования армии и самого Андерса, следующим образом сформулировала свою версию об отношениях с Москвой, которой до сих пор придерживается фактически вся нынешняя польская историография и особенно историческая публицистика.

Согласно этой версии Москва, заключив упомянутые выше соглашения, отнюдь не имела в виду установление равноправного сотрудничества. Ее целью было добиться полного подчинения польской армии и использования ее в своих интересах, а когда натолкнулась на сопротивление, то были прекращены приток новых добровольцев и поставки вооружения, на очередь стала задача физической ликвидации этой армии. Такой вывод, как считает польская сторона, подкрепляется и сознательным снижением рационов питания, чтобы уморить поляков голодом, а также неоднократными попытками как можно скорее отправить польские части на фронт, чтобы их уничтожить руками немцев¹⁰. По ее мнению, если бы польская армия не вышла на фронт, то вскоре оказалась бы в советских лагерях. О таком видении событий, по сообщению военного атташе посольства СССР в Тегеране, откровенно поведал польским офицерам уже в Иране в декабре 1942 г. сам В. Андерс: “Русские хотели послать нас на фронт, чтобы немцы нас перебили. Мы и англичане не допустили этого. Мы прибыли сюда не для того, чтобы воевать, а для того, чтобы подготовиться к борьбе за границы будущей Польши. Эта борьба предстоит после разгрома немцев, и в ней нам помогут англичане”¹¹. В соответствии с подобной трактовкой вывод армии Андерса из пределов СССР расценивается польской стороной как шаг разумный, патриотический, нацеленный на разрушение козней Кремля и сохранение тысяч польских жизней. Подобная интерпретация событий сохраняется до сих пор.

В период формирования польской армии в СССР между сторонами то и дело возникали различные трения, принимавшие иногда серьезный характер. Польское правительство в эмиграции и его сторонники, к числу которых следует отнести и офицерский корпус польской армии в СССР, не признавали законности территориальных итогов сентябрьской кампании 1939 г., закончившейся отторжением от Польши присоединенных ею в 1921 г. в качестве военного трофея районов Западной Украины и Западной Белоруссии. Именно с требования вернуть эти земли польская сторона начала переговоры в Лондоне в июле 1941 г. В последнем приказе по армии от 29 мая 1946 г. В. Андерс писал: “Мы не можем представить себе настоящую Польшу без Львова и Вильно”¹². Не признавалось также автоматическое получение гражданства СССР всем населением этих районов, в том числе поляками по национальности, даже временно сюда приехавшими. По этому поводу и по другим причинам возникали большие и малые конфликты,

¹⁰ Подобных оценок предпочитает придерживаться большинство польских историков. См., например: *Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski (1939 – 1945)*, t. 1. Gdańsk, 1989.

¹¹ АВП РФ, ф. 036а, оп. 1, п. 2, л. 23–24.

¹² *Anders W. Op. cit.*, p. 443.

разрушавшие ту минимальную степень доверия, которую удалось установить в результате подписания двусторонних соглашений.

При формировании армии возникла проблема офицерских кадров, в которых ощущался острый недостаток. Польская сторона вскоре убедилась, что многие известные офицеры, оказавшиеся в 1939 г. в советском плену, так и не прибыли к месту дислокации армии. Ею составлялись постоянно дополнявшиеся именными списками отсутствующих офицеров, которые направлялись советской стороне в качестве официальных нот посольства Польской Республики в СССР¹³. В нотах также указывались многочисленные случаи задержек при отправках польских офицеров в формирующуюся армию и отмечалось, что тем самым советская сторона не выполняет своих обязательств по исполнению указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. об амнистии. Какой-либо вразумительный ответ от нас польской стороной так и не был получен. Такие факты, естественно, негативно воздействовали на умонастроения всей польской армии. Трагическая судьба польских кадровых офицеров в СССР продолжает ждать своего полного выяснения.

Были серьезные трудности и с поставками вооружения. Об оснащении армии вооружением и обмундированием обещали позаботиться Великобритания и США. Однако ни один транспорт для поляков так и не поступил. Таким образом, вся забота о вооружении легла на плечи советской стороны. Несмотря на то, что обстановка на фронте была угрожающей, полякам, как свидетельствуют архивные документы, уже в сентябре – октябре 1941 г. было передано оснащение для одной пехотной дивизии (40 орудий, 135 минометов, 8451 винтовка, 162 пистолет-пулемета, 270 ручных и станковых пулеметов, 1022 револьверов и пистолетов)¹⁴. Кроме того, в связи с неполучением обмундирования из Великобритании, о чем имелась договоренность, армии Андерса в порядке помощи было выдано 46 тыс. комплектов ватных брюк, телогреек и кожаных ботинок, а также 30 тыс. штук другого обмундирования¹⁵. Таким образом, можно сказать, что жалобы польской стороны на отсутствие помощи в вооружении и обмундировании не всегда состоятельны¹⁶. Но никто не скрывает, что эта помощь была недостаточна.

От польской стороны поступали многочисленные жалобы и по другим вопросам (довольствие, размещение, условия быта, отсутствие транспортных средств и т.п.). Все перечисленные недостатки в тех или иных масштабах, наверное, имели место в действительности, время было такое. Поражает то, что эти жалобы порой смахивали на вздорные претензии, т.к. совершенно абстрагировались от реальной обстановки тяжелого военного времени. Польская сторона почему-то забывала, что СССР находился в состоянии войны, терпит неудачи на фронте, над ним нависла смертельная опасность, противник далеко продвинулся в глубь страны, оккупировал значительную территорию и поэтому все ресурсы были строго регламентированы. Избранное поляками в СССР поведение “немедленно вынь да положь” возмущало. Здесь следует подчеркнуть, что формирующаяся польская армия по многим показателям была поставлена в значительно более благоприятные условия, чем находящиеся в тылу части Красной Армии. Советская сторона также пошла навстречу просьбе польского командования о передислокации армии в район с более мягкими климатическими условиями. Хотя и здесь не

¹³ Речь идет о кадровых офицерах польской армии и не касается офицеров запаса, расстрелянных в Катыни и других лагерях.

¹⁴ АВП РФ, ф. 0122, оп. 26а, п. 225, д. 19, л. 32–35.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Польский посол в Москве С. Кот по данному вопросу писал в конце 1941 г. своему правительству в Лондоне: “Военные признают, что советские власти засчитывают продовольствие, вооружение и снаряжение, ими поставленное, по чрезвычайно низким ценам. Советские военные власти весьма облегчают организацию польского войска, на практике они полностью идут навстречу польским требованиям, отдавая войску солдат, мобилизованных уже в Красную Армию на землях Восточной Польши”: *Парсаданова В.С.* Армия Андерса на территории СССР (1941–1942). – Новая и новейшая история, 1988, № 5, с. 179; *Kot S.* Op. cit., s. 91–92.

обошлось без обвинения в ее адрес в том, что переброска польской армии в Среднюю Азию по времени вышла за пределы согласованного срока, как будто в условиях военного времени это была совершенно заурядная акция.

О подобной стороне избранного поляками поведения справедливо в мае 1942 г. писал в Москву посол СССР при союзных правительствах в Лондоне А.Е. Богомолов: польское правительство в эмиграции “считает, что мы перед Польшей в неоплатном долгу и если мы сейчас что-либо делаем для поляков, то со стороны поляков великим подвигом и большой уступкой своему самолюбию является принятие этой помощи”¹⁷.

* * *

Сформированная в СССР армия Андерса так и не появилась на советско-германском фронте, по сути дела, отказавшись сражаться плечом к плечу с Советской Армией, хотя именно через восточный фронт пролегал самый короткий путь к Польше. Таким образом, имеются веские основания для обвинения польской стороны в срыве межправительственных соглашений, подписанных в июле – августе 1941 г. Польские историки, которые охотно перечисляют, какие международные акты были нарушены СССР в результате ввода своих войск в сентябре 1939 г. на тогдашнюю польскую территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, данный факт предпочитает обходить молчанием. Вообще современной польской историографии присуща тенденция опускать некоторые исторические события, которые не вписываются в политические оценки прошлого, сформулированные официальными польскими кругами. Так, например, в исследованиях о советско-польских отношениях в годы Второй мировой войны оставляются без внимания такие факты, как предоставление Советским Союзом убежища беженцам из оккупированной немцами Польши, существенные затраты на содержание армии Андерса, забота об оказавшихся в СССР польских сиротах, которые после войны вернулись на родину и пр. Что касается самого решения о выводе армии в Иран, то оно удостоивается самых положительных оценок, хотя этот вывод больше похож на стремление быть подальше от быстро надвигавшегося германского фронта, а в дальнейшем имел серьезные негативные последствия для самой Польши и ее взаимоотношений с СССР.

Многочисленные факты, связанные с выводом армии Андерса, позволяют усомниться в искренности намерений польского правительства в Лондоне в 1941 г. установить долговременное военное сотрудничество с СССР. Имеющиеся в нашем распоряжении архивные документы тех лет свидетельствуют о том, что решение о выводе было заранее запланированной политической акцией. С самого начала ставилась задача сформировать и вывести из СССР польскую армию, чтобы затем ее можно было использовать в качестве военной силы в борьбе за власть в Польше. Недаром в последнем приказе по армии от 29 мая 1946 г. В. Андерс отметил, что для польских солдат “война не закончилась” и призвал к “дальнейшей борьбе за независимость Польши”¹⁸. Аналогичную цель имело и создание на территории оккупированной немцами Польши Армии Крайовой, которая в соответствии с лозунгом “двух врагов” была враждебно настроена к освободившим Польшу советским войскам. Подобные же цели преследовала и организация Варшавского восстания в 1944 г., приведшего только к большим жертвам. Кто являлся соавтором, а может быть, и инициатором подобных планов, до сих пор тщательно скрывается. Вряд ли польское правительство в Лондоне самостоятельно принимало решения по стратегическим вопросам послевоенного урегулирования в Европе.

Вместе с тем ясно, что участие армии Андерса в 1942 г. в боях на советско-германском фронте обернулось бы для нее большими потерями. Здесь опасения польской стороны вполне обоснованы. И все же отказ выступить на советско-германский фронт в сложный период войны, когда союзник нуждался больше всего в помощи, когда дорога

¹⁷ АВП РФ, ф. 036а, оп. 1а, п. 105а, д. 3, л. 58.

¹⁸ По инициативе генерала Андерса до середины 1950-х годов в структурах НАТО обучалась группа польских офицеров на случай войны с СССР. – Rzeczpospolita, 11–12.VIII.2007.

была каждая дивизия, нельзя не квалифицировать как нарушение польской стороной взятых на себя обязательств.

Идея военного сотрудничества с Польшей после вывода армии Андерса не отпала. Она воплотилась в создание в СССР сначала дивизии им. Т. Костюшко, а затем и новой польской армии, которая на равных сражалась на советско-германском фронте, в октябре 1943 г. получила боевое крещение в кровопролитном сражении под Ленино в Белоруссии, с боями прошла весь солдатский путь до границ Польши, завоевала право первой вступить в освобожденную польскую столицу, участвовать во взятии Берлина, а затем в параде Победы в Москве в июне 1945 г. Но об этом в Варшаве сейчас предпочитают не вспоминать.

Дальнейшая судьба армии Андерса достойна искреннего сожаления. Ее участие в боевых действиях в период Второй мировой войны ограничилось мелкими стычками и несением караульной службы при британских вооруженных силах в Северной Африке и затем в Италии. Единственное сражение, которое можно записать на счет армии Андерса, это ее успешные боевые действия в мае 1944 г. за овладение укрепленным немцами монастырем Монте-Кассино в Италии, взятие которого открыло путь на Рим. Так сложилось, что армия Андерса после рокового ухода из СССР оказалась фактически невостребованной во время войны и затем в самой Польше. Большинство солдат и офицеров так и не смогли вернуться на родину, закончив свою жизнь на чужбине. От всей этой истории до сегодняшнего дня остался только несбывшийся миф об Андерсе, въезжающем в Варшаву на белом коне как освободитель Польши, осталась песня с незатейливым мотивом “Красные маки на Монте-Кассино”, да преувеличенное славословие в адрес Андерса в современной польской историографии.